

Светлана Михайловна Фалькович

О некоторых аспектах русско-польского двуязычия в Российской империи XIX — начала XX в.

Статья посвящена вопросам русско-польского двуязычия в Российской империи в XIX — начале XX в. Эта проблема связана с тем, что в рамках империи ареал расселения поляков не ограничивался территорией Королевства Польского. Их присутствие в различных российских регионах показано на примере деятельности «полоний» в Харьковской губернии, на Северном Кавказе и в Сибири. Миграция поляков происходила как добровольно, что имело место в Харьковской губернии, так и вынужденно, в результате репрессий царских властей и ссылки участников польского национального движения на Северный Кавказ и в Сибирь. Были нередки случаи, когда после окончания срока ссылки поляки добровольно оставались на прежнем месте. Род их занятий во многом зависел от характера региона и их социального статуса. В Харьковской губернии представители польской интеллигенции вели профессиональную и культурно-просветительскую деятельность, служили в качестве губернских чиновников и занимались городским благоустройством. В Сибири польские ссыльные обращались как к учительскому ремеслу, так и входили в состав научных экспедиций, проводивших исследования в области географии, гидрографии, геологии, флоры и фауны, метеорологии, этнографии данного края. Для получения больших возможностей и адаптации к окружающей действительности полякам было необходимо в той или иной степени знание русского языка. Помимо его самостоятельного изучения, этому способствовали контакты с местным населением, заключение браков с особами православного вероисповедания и т. д. Участие поляков в общественной и культурной жизни рассматриваемых регионов способствовало некоторому сближению и большему распространению культуры обоих народов.

Ключевые слова: поляки, Российская империя, двуязычие, адаптация, Харьковская губерния, Северный Кавказ, Сибирь

Выступление на конференции «Полигlossия как норма в многонациональных империях и национальных государствах Центральной Европы и сопредельных регионах: от раннего Нового времени до наших дней» в ноябре 2018 г. стало для Светланы Михайловны Фалькович (1932–2018) одним из последних. Незадолго до кончины она направила в редакцию ежегодника эту статью. Публикуя ее, редколлегия выражает глубокое уважение к памяти коллеги, посвятившей жизнь изучению истории Польши в «долгом XIX веке». Статья подготовлена к печати О. С. Каштановой (*прим. редкол.*).

Русско-польская языковая проблема была тесно связана с тем, что в рамках многонационального Российского государства ареал расселения поляков не ограничивался территорией Королевства Польского¹. Они селились на всем пространстве Российской империи, составляя порой более компактные общины. Так было, в частности, на территории Украины и Белоруссии, где возникали польские колонии².

Одним из характерных примеров может служить Харьковская губерния. Первые поляки стали единично селиться там в начале XIX в., в 1840-е годы в Харьковском университете появились польские студенты и преподаватели, возникла небольшая польская община, была создана римско-католическая парафия, построен первый костёл. В этот период складывались немногочисленные поначалу группы польской интеллигенции, по большей части владевшей русским языком. Возникли «открытые дома» польских фамилий (Ольховских, Шидловских, Кецковских, Островских, Квятковских, Валицких, Семирадзких и др.). Посещавшие их поляки (в частности, профессор Университета Александер Мицкевич, брат Адама) навещали также и «русские дома» Бердяевых, Мухановых, Данзасов, что создавало базу для русско-польского двуязычия, хотя, несомненно, в общении русской и польской интеллигенции активно присутствовал и французский язык³.

С середины XIX в. польское население Харьковской губернии быстро росло: в 1888 г. оно насчитывало около 2 тыс. человек, а всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала уже 5 тыс. 910 поляков, 4 тыс. из них проживали в губернском центре. С начала же Первой мировой войны в результате эвакуации поляков из Королевства Польского в Харькове их оказалось уже 7 тыс.⁴ Значительную часть польского населения по-прежнему составляли образованные слои — прежде всего, учителя, профессора и студенты, причем большинство учащихся Харьковского университета происходили из Литвы и Белоруссии. Для этой интеллигентной «полонии» было обычным владение как

---

¹ В отечественной исторической науке сосуществуют две традиции написания: «Царство Польское» и «Королевство Польское». С. М. Фалькович последовательно использовала последнее. Также в статье сохранено написание польских имен, которого она придерживалась: Зелинский, Белинский и пр. (*прим. редкол.*).

² См., например: Островский 2016.

³ Kijas 2006: 233.

⁴ Kijas 2006: 234–236, 257.

польским, так и русским языком. Но двуязычной была и другая часть образованных поляков — офицеры находившихся в губернии воинских частей (генералы, полковники, капитаны и др.), большое число юристов (в Харькове было семь польских адвокатских контор) и особенно медиков: в 1907 г. 14 польских врачей разных специальностей имели в городе свои кабинеты; действовали три популярные у жителей польские аптеки. Русский язык звучал в среде польских инженеров разного профиля, ремесленников и купцов, промышленников и банкиров, владельцев магазинов, хозяев пекарен, содержателей ресторанов и кафе, а также в устах представителей культуры и искусства, нередко занимавших штатные городские должности. Так, в 1838–1846 г. популярный польский писатель и драматург Юзеф Коженёвский служил директором гимназии в Харькове и был визитатором Харьковской губернии, а ученый-востоковед Ян Непомуцен Верниковский в 1840–1850-х годах исполнял обязанности директора 1-й Харьковской гимназии и ректора губернских школ; штатным губернским архитектором стал в 1890-е годы один из известных харьковских зодчих-поляков Франтишек Шустер. А в 1900 г. польский физик Александер Погорелко занял место председателя городского совета Харькова, и во многом благодаря его инициативе в 1909 г. в городе, где с 1882 г. действовала конка, появилась первая электрическая трамвайная линия⁵.

То, что представители польской интеллигенции, владевшие двумя языками, участвовали в губернском руководстве и занимались городским благоустройством, было достаточно частым явлением. В сфере просвещения и культуры они также проявляли значительную активность: еще в 1840-е годы дом генерала Хиполита Семирадзкого играл роль артистического салона, где организовывались инструментальные концерты и другие музыкальные выступления, велись беседы о литературе и искусстве, вызывавшие большой интерес у польской молодежи. В 1896 г. в Харькове было создано Римско-католическое благотворительное общество, и его член Люциан Павлович развернул широкую филантропическую деятельность: устраивал концерты, лекции, рассчитанные на двуязычную публику и проводил сбор пожертвований. Активным пропагандистом польской и русской музыкальной культуры был, в частности, Константин Горский,

---

⁵ Kijas 2006: 235–236, 249–251, 256.

известный скрипач, ученик Н. А. Римского-Корсакова, связанный также с М. М. Ипполитовым-Ивановым. Он выступал в составе скрипичных квартетов, исполняя партию первой скрипки, играл концерты в сопровождении симфонического оркестра, а в 1891 г. солировал при исполнении созданного П. И. Чайковским концерта для скрипки с оркестром, причем за дирижерским пультом стоял сам композитор. Горский поддержал идею создания любительского оперного театра и способствовал организации постановок. Он писал музыку для драматических спектаклей и даже сочинил трехактную оперу, а вместе с органистом Станиславом Свитычем содействовал также созданию светского и церковного хоров, выступавших с большим успехом. Были организованы и другие хоровые сообщества, связанные с именами Станислава Зажицкого, Теодора Липиньского и других польских деятелей. Наличие хоров и музыкальных коллективов способствовало развитию в Харькове любительского драматического театра, музыка содействовала успеху пьес, преимущественно польских, постановкой которых занимались актер и режиссер Александер Квятковский и режиссер Людвик Маевский. С конца 1890-х годов ставились также «живые картины», предварявшие начало спектакля. Часто они сочетались с балами и приемами в салонах, на праздниках в «открытых домах». В Харьков приезжали также как известные актеры, так и целые театральные коллективы, и, как правило, харьковские театральные постановки пользовались успехом, о чем сообщала, в частности, петербургская газета «*Kraj*» («Край»)⁶.

Все это служило для местной «полонии» большой поддержкой в сохранении родного языка и в то же время привлекало внимание и интерес русской публики к полоноязычной драматургии⁷. Несомненно, факт подтверждения языковой близости был немаловажен, но не только это служило сближению русских и польских жителей Харькова. Польские поселенцы сумели стать нужными и полезными всему населению губернии как вследствие энергичного участия в развитии экономики и эффективного решения ряда технических задач, так и благодаря активной культурно-просветительской деятельности. Для самой местной «полонии» эта работа была особенно важна, если учесть, что

⁶ Kijas 2006: 233, 240–242, 244–248; Kraj. Petersbourg, 1857. № 48. S. 16; 1895. № 13. S. 30.

⁷ Подробнее см.: Фалькович 1998; Фалькович 2010.

до первых лет XX в. в Харькове не было государственных средних школ, где польская молодежь могла бы учиться родному языку. С 1897 г. при Римско-католическом благотворительном обществе действовала лишь небольшая (до 32 учеников и учениц) школа, в которой, согласно российскому закону, детей обучали религии, русскому языку, счёту, правописанию, рисованию, также рукоделию (для девочек). Борьбу за создание возможности обучать польских детей родному языку вел возникший в 1909 г. Польский дом, но открыть в Харькове польскую гимназию удалось лишь с началом Первой мировой войны, когда в город нахлынула большая волна эвакуированных из Королевства Польского поляков. До 1918 г. через это учебное заведение прошло около 200 человек, и в деле обучения, в частности, сыграли роль усилия Польского дома по созданию польского книжного фонда — организации польских библиотек, книжных магазинов и книгоиздательств, обеспечения доставки русской, польской и зарубежной прессы. Особенно ценились школьные учебные пособия, представлявшие собой обогащенную дополнительными сведениями перепечатку учебников, изданных в Варшаве, Львове, Кракове и Познани. Все эти усилия поддерживались щедрыми пожертвованиями состоятельных слоев харьковской «полони»; использовались также средства, вырученные от театральной деятельности польских энтузиастов, и этот источник доходов был важен, учитывая, что концерты и спектакли посещали не только поляки, но и русская публика⁸. Ее интерес и внимание к польской культуре свидетельствовали о том, что языковые различия не были непреодолимым препятствием в сближении двух народов.

Не стали они препятствием и при проведении польскими специалистами — юристами и медиками — благотворительных акций, распространявшихся на все харьковское общество. Так, Владислав Франковский, врач и общественный деятель, отмеченный за заслуги в поддержании здоровья населения Харькова званием почетного гражданина города, за 50 лет оказал медицинскую помощь 200 тыс. больных. Во время Крымской войны он руководил военным госпиталем, в 1878 г. создал детский госпиталь для лечения инфекционных заболеваний. Франковский был избран членом городского совета, исполнял обязанности мирового судьи. Как член местного благотворительного общества он бесплатно консультировал студентов-медиков,

---

⁸ Kijas 2006: 242–243, 248–249, 259–260.

во время эпидемии холеры в 1847–1848 гг. опекал неимущих. Трагично на помощь беднякам свои средства, Франковский умер в 1895 г., не оставив состояния, и был похоронен за счет города и Харьковского медицинского общества. Его популярность в Харьковской губернии была велика. Широко известны также были врачи Януарий Познаньский, Цезарий Моравский, Ян Шукевич, проявивший самоотверженность во время борьбы с эпидемией тифа в 1855 г., а позже — невропатолог Бруно Живицкий и терапевт Юзеф Иваницкий⁹.

Люди, подобные подвижнику Франковскому, которых газета «*Kraj*» называла «апостолами христианской любви», каких «общество редко рождает»¹⁰, вызывали уважение и восхищение окружающих независимо от их национальной принадлежности. Это служило действенным фактором сближения поляков и русских, делая языковые различия не столь важными. Двуязычие в этой части Российской империи достаточно «мирно уживалось», не превращаясь в фактор отчуждения или обострения национальных отношений. Однако на территории Российского государства имели место иные варианты сосуществования русского и польского языков. Если на Харьковщине «полония» возникла в основном в результате добровольного переселения поляков (исключением была эвакуация жителей из Королевства Польского в связи с началом Первой мировой войны), то на Северном Кавказе первое массовое появление поляков (около 10 тыс. человек) датировалось началом XIX в., когда в 1813 г. в русский плен попали польские участники наполеоновских походов¹¹. Уже в 1814 г. они были амнистированы, и российские власти даже оказывали им помощь в возвращении на родину, заказав для них обувь и одежду взамен изношенного обмундирования и дав провожатых-«партионцев». Но некоторая часть пленных поляков осталась на Северном Кавказе, присоединившись к небольшому польскому анклаву, который образовался еще в конце XVIII в., после того как в 1763 г. появился манифест российского правительства, предлагавший иностранцам заселять пустующие земли и обещавший новопоселенцам льготы¹². Однако в первые десятилетия XIX в. «мирное» польское население было там еще весьма незначительно, и новый

⁹ Kijas 2006: 236–239.

¹⁰ Kraj. 1895. № 15. S. 30; № 16. S. 24.

¹¹ Нечитайлов 2007: 268.

¹² Цифанова 2007: 67.

приток поляков оказался связан с подавлением восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, когда остатки повстанческих формирований были в 1840-е годы перемещены на Кавказ, и их члены оказались сосланы в казацкие полки отдельного Кавказского корпуса, а частично отправлены в действующую на Кавказе российскую армию. Над ними был установлен полицейский надзор и предусматривалось применение карательных мер в случае необходимости¹³.

В это время шла война русских с кавказскими горцами, и она весьма интересовала находившихся на Кавказе поляков, что нашло отражение в их письмах и дневниках. Так, Владислав Юрковский, попавший в ссылку в 1839 г., подробно изложил эпизоды из истории «покорения Кавказа» в письмах, которые он ухитрился посылать в Киевскую губернию, минуя цензуру. Он сообщал как о боях, так и о солдатском быте, а кроме того, сумел красочно описать повседневную жизнь черкесов, их культуру, обычаи, одежду и жилища¹⁴. В 1830-е годы (особенно в 1834 и 1837–1838 гг.) частыми были случаи побегов ссыльных поляков в горы, где они рассчитывали присоединиться к борьбе черкесов против России. От имени кавказских горцев в действующую русскую армию приходили соответствующие призывы на русском и искаженном польском языках. Польских перебежчиков черкесы использовали не столько как боевую силу, сколько как своеобразных «военных экспертов», которые помогали модернизировать оружие горцев, пытались даже создать артиллерию, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне образования и квалификации поляков. Они участвовали и в вооруженных схватках, однако черкесы не слишком охотно принимали «неверных» в свои ряды, а порой и продавали их в Турцию¹⁵.

Зато знания, умения и квалификация пленных поляков широко использовались в российской армии. Они трудились как на тяжелых «черных» работах (при строительстве мостов, дорог и т. п.), так и выступали в качестве искусных «мастеровых»-ремесленников — портных, сапожников и др. Особо выделялись «умеющие грамоте», что подразумевало владение частью польских пленных русским языком. Отмечалось и «знание нескольких языков» (в том числе русского,

¹³ Колесникова 2007: 40.

¹⁴ Ендрыховска 2011: 133.

¹⁵ Нечитайлов 2007: 276–277, 282.

польского, французского и латыни), характеризовавшее «как правило, великолепно образованных» офицеров из высших кругов польского общества¹⁶. Поскольку срок солдатской службы для ссыльных поляков являлся весьма продолжительным (15–20 лет), русский язык за это время в той или иной степени могли освоить многие польские пленные. Освоившее русский язык местное кавказское население постепенно привыкло к звучанию родственного польского языка. Процесс сближения, в том числе языкового, происходил во время общения русских и польских военных по службе. Те же поляки, кто, отбыв свой срок плена, добровольно оставались на Кавказе, обзаводились семьями, чаще всего женились на местных русскоязычных женщинах, причем во время свадебного торжества также звучала в основном русская речь, поскольку гости на свадьбу приглашались вне зависимости от национальности. Русские жены после замужества по большей части сохраняли свою веру и язык, дети же, родившиеся в поликонфессиональных и разноязычных семьях, должны были по закону исповедовать православие. Как дети «польских преступников», они не допускались в русские учебные заведения из опасения их воздействия на русскую молодежь, и лишь со временем это ограничение, закрывавшее дорогу к овладению русским языком и соответствующему образованию, было снято полицейскими властями.

Пожелавшие остаться на Кавказе польские ссыльные давали на русском языке письменную присягу верности государю-императору, текст которой нередко был написан чужой рукой; при этом они получали право на приобретение собственности, в том числе земельной. Поляки вступали в разряд государственных крестьян, селились в деревне в качестве земледельцев; часть польских поселенцев приписывалась к мещанским обществам, часть поступала на службу в казачьи полки¹⁷. Моноэтничных польских поселений на Северном Кавказе не было, если не считать хутор Польский, возникший в 1834 г. в Ставропольском крае. Власти стремились расселять поляков как «подозрительных» мелкими партиями и преимущественно не в городах. Но начавшееся уже в 1816–1817 гг. массовое ежегодное переселение поляков продолжалось, и со временем как бывшие польские ссыльные, так и добровольные переселенцы из Королевства

¹⁶ Нечитайлов 2007: 274; Цифанова 2007: 72.

¹⁷ Нечитайлов 2007: 274–275.

Польского и других районов Российской империи стали оседать в областных и уездных центрах Северного Кавказа. Постепенно происходила и их адаптация: более образованная «полония», став местной, оказывалась полезной коренному населению, что способствовало постепенному складыванию положительного к ней отношения. Но такая ситуация возникла не сразу, на первых порах существовало недоверие к людям, говорящим на чужом языке и принадлежащим к иной, католической церкви. Не все из прибывших на Кавказ поляков сумели сразу адаптироваться к новой обстановке, найти работу, обеспечить постоянный доход и, как вспоминал впоследствии один из таких ссыльных К. В. Гловацкий, были вынуждены «переносить большие затруднения в средствах к жизни». Отсутствие «всяких средств к жизни» вкупе с катастрофическим состоянием одежды прибывших польских ссыльнопоселенцев констатировала и местная власть, которой приходилось выделять для них «пособия от казны»¹⁸.

Оказавшиеся в таком положении поляки старались использовать все возможности для заработка: трудились на поденных работах, нанимались к частным лицам, занимались извозом, изготовлением одежды и обуви, работали на железных дорогах, в области медицины и санитарии, преподавания и воспитания. Труд в этих сферах предполагал и требовал знания русского языка в той или иной степени. Тем более это знание оказалось полезным и необходимым полякам, когда в середине XIX в. они были допущены к должностям на государственной губернской службе — к военно-административной деятельности, работе в суде, полиции, администрации. Первоначально им был разрешен доступ лишь к лакейской и сторожевой службе; продвижение по служебной лестнице в государственных учреждениях было ограничено, однако со временем ограничения сняли, хотя часть профессиональных занятий оставалась под запретом. Так, власти пресекали попытки поляков помогать в составлении юридических документов, оказывать адвокатские услуги, выступать в суде. Но в 1840–1850-е годы почти все запреты были аннулированы, и новое ужесточение закона произошло лишь после польского восстания 1863–1864 гг. Что же касается тех поляков, кто переселился на Кавказ по собственному желанию, для них ограничений вовсе не существовало, и ряд польских поселенцев, энергично продвигавшихся

---

¹⁸ Цифанова 2007: 73.

по службе, внесли вклад в успешное развитие региона. Так, в 1844–1846 гг. на посту гражданского губернатора Кавказской области находился М. М. Ольшевский, а городничим в Георгиевске стал губернский секретарь Л. К. Конопельский; важную позицию в Ставрополье занимал неперменный член Ставропольской губернской строительной и дорожной компании титулярный советник П. А. Биберштейн-Левицкий и там же, в Ставропольском окружном суде, служил титулярный советник П. Вильчиньский, которому город был обязан созданием первого паспортного стола. Но активно участвовали в социально-экономическом развитии края не только чиновные поляки. На рубеже XIX–XX вв. большую роль в развитии машиностроения сыграл поляк — предприниматель П. В. Буковский: он открыл в Екатеринодаре и городах Кубанской области индустриальные предприятия, построив два чугунолитейных завода, фабрику сельскохозяйственных машин и орудий, машиностроительный, деревообрабатывающий и столярный заводы, различные мастерские и склады¹⁹. Подобные предприятия создавали рабочие места для значительного числа прибывших на Кавказ поляков, которых к переселению толкал разразившийся в Королевстве Польском в 1870-е годы политический и экономический кризис. В результате в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.) на Кавказе находилось 9854 поляка, почти половина из них (4373 чел.) — в Терской области; кроме того, 2719 поляков проживали в Кубанской области, а также в Ставропольской и Черноморской губерниях — 2031 и 731 человек соответственно²⁰.

В эти десятилетия активного экономического развития росла и доля лиц, живших на доход от капитала. Происходил дальнейший процесс экономической, политико-административной, профессиональной, социально-этической и психологической адаптации населения этого региона, естественно включавший и языковую адаптацию, поскольку в сложившейся ситуации поляки могли говорить на родном языке лишь в небольшом кругу; русский язык становился необходим им для жизни в обществе — для работы и общения. Это неминуемо должно было оставить след и на приобщении польского населения к русской культуре, на формировании отношения его к русским и другим народам России. Столь масштабное русско-польское

¹⁹ Цифанова 2007: 73, 78.

²⁰ Цифанова 2007: 68–69; Колесникова 2007: 40.

взаимовлияние имело большое значение, если учесть, что с таким психологическим багажом известная часть польских переселенцев впоследствии смогла вернуться на родину после очередной царской амнистии, а затем после возрождения к жизни в 1918 г. Польского государства. В новой ситуации звучание русского языка должно было напоминать им о годах жизни, проведенных в столь специфической части Российской империи, как Кавказ.

Однако, кроме кавказского региона, было еще и другое освоенное в это время поляками специфическое российское пространство — российский Север и, в частности, Сибирь. Оно служило местом ссылки не только для поляков, но и для русских и потому являлось естественным местом встречи двух языков. Подробности сибирской жизни польских каторжан и ссыльных известны также, главным образом, из их дневников и писем. Переписка разрешалась полякам на обоих языках, но ограничивалась частота писем (один раз в три месяца). Правда, иногда запреты нарушались, и не исключено, что порой поляки специально писали письма по-русски «для верности»: чтобы обеспечить меньшее внимание к ним цензуры и более быструю доставку их по адресу²¹.

Двуязычие в этих краях имело довольно широкое распространение и применение, так как поляки в военных частях, на каторге, в ссылке и на поселении могли общаться между собой на родном языке и одновременно по необходимости вступали в языковой контакт с русскоязычным окружением. В первую очередь, в круг их общения входили русские репрессированные; между ними и польскими ссыльными поддерживались дружеские, а порой и весьма близкие отношения. Так, например, Юлиан Сабиньский, участник восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском и член нелегальной организации «Содружество польского народа», осужденный на каторгу и ссылку, 19 лет провел в Восточной Сибири — в Усолье и Иркутске. Там он тесно общался как с польскими, так и с русскими «преступниками», в том числе с декабристами. Поддерживая тесный контакт с семьей декабриста Волконского, он жил в его доме, учил его детей. Преподавал он и детям российских чиновников, бывал в светских салонах. То же относилось и к другим польским ссыльным, кому хорошее образование позволяло служить гувернерами, репетиторами, учителями в домах высокопоставленной губернской верхушки,

---

²¹ Ендрыховска 2011: 130; Jędrychowska 2004: 71.

преподавать иностранные языки, обучать музыке и рисунку²². Как писал Сабиньский, это был «огромный труд», и неслучайно его педагогическая деятельность пользовалась столь же «значительной популярностью» у местных жителей²³. Популярными становились и польские медики, оказывавшие квалифицированную помощь местному населению. Одним из них был врач Юзеф Лаговский, на похоронах которого присутствовало множество жителей Иркутска²⁴.

Несмотря на активные профессиональные усилия, снискавшие благодарность, признание и уважение, большинство польских ссыльных жили в условиях крайней нужды, иногда на грани выживания, хотя некоторые сумели добиться успеха в предпринимательской деятельности. Так, если иркутский ссыльнопоселенец Ян Шумский с трудом добывал скудные средства для существования, работая в пекарне, а затем торгуя в лавочке продуктами питания, папиросами, галантереей и бижутерией, то другой ссыльный поляк — Людвик Балцер в том же Иркутске, трудившийся в польском ресторане, стал владельцем двух лавок и искал возможность для дальнейшего развития собственного торгового предприятия и осуществления торговых сделок, изучая в связи с этим условия предпринимательской деятельности, разрешенной ссыльным²⁵. Все это предполагало достаточно хорошее знание русского языка, позволявшее близкое и разностороннее общение поляков с объясняющимся по-русски местным населением. Подтверждением такого общения может служить заинтересованное описание польскими ссыльными быта, характера и обычаев живших в этом регионе России как русских, так и представителей других народов. В частности, Александр Белинский, находившийся в ссылке в Кургане, а затем в Нерчинских рудниках, Иркутске и Тобольске, детально описал местные обычаи этих краев, а обладавший литературным талантом Густав Зелинский в 1830–1840-е годы ярко представил народную культуру и фольклор киргизов, написав поэму «Киргиз» и другие произведения. Уделялось внимание и описанию местной природы, получившему отражение в живописном и литературном творчестве ссыльных поляков. Многие из них старались находить время и силы для занятия наукой, литературой и искусством. Врач Юзеф Пекарский, например,

²² Трынковский 2011: 124–126; Ендрыховска 2011: 136.

²³ Трынковский 2011: 124.

²⁴ Ендрыховска 2011: 136.

²⁵ Ендрыховска 2011: 134; Jędrychowska 2004: 85.

подчеркивал, что в Сибири он живет, не испытывая истинной нужды, так как удовлетворять более важные «потребности ума и сердца» ему помогает общение с культурой и искусством — театром, поэзией, музыкой, танцем, а прежде всего, с книгой. Подобной позиции придерживался и Эдвард Рёмер, увлекавшийся скульптурой и музыкой; он стал инициатором создания в Вологде польско-русского хора, исполнявшего, в частности, произведения С. Монюшко, что, несомненно, служило русско-польскому культурному и языковому сближению²⁶.

Необходимость такого сближения и взаимопонимания ощущали сами польские ссыльные: например, Генрик Каменьский, находясь в вятской ссылке, специально учил русский как язык общения, имея в виду не только установление контакта с властями, но и более близкое ознакомление с русской культурой, в том числе с русской прессой и книжным собранием местных библиотек. Конечно, в первую очередь эта заинтересованность, стремление к сближению и сотрудничеству характеризовали интеллигентную часть польской ссылки. И неслучайно, что поляки, сосланные в Сибирь и другие края России, стали активными участниками освоения ее просторов — описания, изучения и научного исследования гор Кавказа и Восточной Сибири, сибирских и дальневосточных рек и озер. Большинство из этих энтузиастов попали в ссылку в связи с участием в восстании 1863–1864 гг. в Королевстве Польском. Одним из таких ссыльных стал составивший первую геологическую карту берегов Байкала географ, геолог и палеонтолог Ян Черский, чьим именем названы два сибирских хребта. Один из хребтов в Восточной Сибири также носит польское имя — имя выдающегося исследователя северо-восточной Азии геолога и географа Александра Чекановского. Юзеф Калиновский и другие находившиеся в Восточной Сибири польские ссыльные активно участвовали в работе по изучению флоры и фауны Байкала, которую проводило находившееся в Иркутске Сибирское отделение Русского географического общества. Исследованием фауны озера Байкал занимался также известный зоолог-эволюционист Бенедикт Дыбовский; его имя присвоено ряду зоологических видов, обитающих в озере Хубсугул, к которому он вместе с Чекановским и Вроньским прошел в составе научной экспедиции, исследовавшей течение реки Иркут до горного массива Мунку-Сардык. С открытием ряда

²⁶ Ендрыховска 2007: 132–134; Jędrzychowska 2004: 76–78, 80, 84.

зоологических видов оказалось связано также имя сосланного в Сибирь польского ученого Виктора Годлевского. Польские ссыльные проводили научные наблюдения в разных концах российской глубинки. Так, еще в 1840-е годы ссыльный Леопольд Немировский был в качестве рисовальщика включен в состав российской научной экспедиции, изучавшей природу Камчатки, и оставил яркие описания и художественные изображения, посвященные сибирским просторам над рекой Леной, окрестностям Охотска и Якутска. А 40 лет спустя сосланный в 1887 г. на Сахалин этнограф и социолог Бронислав Пилсудский (брат Юзефа Пилсудского) вел на острове метеорологические наблюдения, изучал национальные особенности местного населения — айнов и гиляков, а с 1899 г. стал хранителем музея во Владивостоке²⁷.

Совместная научная работа польских и русских ссыльных тесно сближала их и не только в отношении языка: она служила противоядием возникавшему у многих поляков чувству отчужденности от окружения, тем более что в нем они видели много недостатков. В письмах и дневниках польских ссыльных критическому анализу нередко подвергались нравственные качества русской бюрократии, армейского начальства; подчеркивалось распространение таких пороков, как пьянство, нечестность, стяжательство; проявления же порядочности, вежливости, интеллигентности воспринимались как исключение, считалось, что эти редкие качества присущи единицам, небольшой прослойке образованной части местного населения. В результате у ряда ссыльных поляков, как например у Феликса Зенковича, возникало ощущение культурной чуждости окружения, отсутствия контакта с местным обществом²⁸. В этой связи как научное, так и культурное сотрудничество поляков и русских в местах ссылки играло очень большую и важную роль, важную не только для науки и культуры. Как признавались сами польские ссыльные, оно становилось свидетельством «проведения с пользой того времени и тех лет, которые, казалось бы, предназначались быть потерянными»²⁹. И действительно, в конечном итоге они оказались не совсем потерянны как

²⁷ Гуманитарные науки формируют личность. Беседа с Анджеем Б. Легоцким // Новая Польша. 2006. № 6. С. 82; Ендрыховска 2011: 133–134, 138; Jędrychowska 2004: 78, 82–83.

²⁸ Ендрыховска 2011: 134–136; Трынковский 2011: 125–126.

²⁹ Ендрыховска 2011: 133–134.

для науки и культуры, так и для утверждения русско-польской языковой и человеческой общности, для сближения между собой обоих народов.

Литература

- Ендрыховска 2011 — *Ендрыховска Б.* Переписка польских ссыльных XIX века как исторический источник (на примере корреспонденции Феликса Зенковича) // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше / редкол.: Н. А. Макаров (отв. ред.), О. С. Каштанова, Л. П. Марней, Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 128–139.
- Колесникова 2007 — *Колесникова М. Е.* Польская ссылка на Северном Кавказе в XIX веке (историографический аспект) // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во СГУ, 2007. Вып. II. С. 39–45.
- Нечитайлов 2007 — *Нечитайлов М. В.* Поляки на Кавказе в 1814–1854 годах: документы // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. Вып. II. С. 268–283.
- Островский 2016 — *Островский Л. К.* Польское население Новониколаевска (1890-е гг. — февраль 1917 г.) // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета. Вып. 8. С. 35–41.
- Трынковский 2011 — *Трынковский Я.* Юлиан Сабиньский (1797–1869) и его «Дневник» — уникальный источник по истории ссыльных поляков и не только // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше / редкол.: Н. А. Макаров (отв. ред.), О. С. Каштанова, Л. П. Марней, Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 124–126.
- Фалькович 1998 — *Фалькович С. М.* Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. / *Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.* / ред. Я. Н. Щапов. М.: URSS, 1998. С. 190–203.
- Фалькович 2010 — *Фалькович С. М.* Историческая традиция и национальная культура как фактор сохранения национальной идентичности народами, находящимися под инонациональной властью // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира

- Константиновича Волкова (1930–2005) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 117–123.
- Цифанова 2007 — *Цифанова И. В.* Поляки на Северном Кавказе в XIX столетии. Проблемы социокультурной адаптации // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. Вып. II. С. 66–86.
- Jędrychowska 2004 — *Jędrychowska B.* Listy XIX-wiecznych zesłańców // *Wrocławskie studia wschodnie*. 2004. T. 8. S. 65–87.
- Kijas 2006 — *Kijas A.* Polonia charkowska na przełomie XIX i XX wieku // Проблемы славяноведения. Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического университета, 2006. Вып. 8. С. 232–260.

References

- Falkovich, S. M., 1998. Vliianie kul'turnogo i politicheskogo faktorov na formirovanie v russkom obshchestve predstavlenii o Pol'she i poliakakh [The influence of cultural and political factors on the formation of stereotypes about Poland and Poles in the Russian society]. In: Shchapov, Ia.N., ed. *Kul'turnye sviazi Rossii i Pol'shi 11–20 vv. / Związki kulturalne między Polską a Rosją 11–20 w.* [Cultural ties of Russia and Poland from the eleventh to the twentieth century] Moscow: URSS, pp. 190–203.
- Falkovich, S. M., 2010. Istoricheskaia traditsiia i natsional'naia kul'tura kak faktor sokhraneniia natsional'noi identichnosti narodami, nakhodiashchimisia pod inonatsional'noi vlast'iu [Historical tradition and national culture as a factor of preservation of national identity of the nations, which were under foreign rule]. In: Nikiforov, K. V., ed. *Slavianstvo, rastvorennoe v krovi... V chest' 80-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Konstantinovicha Volkova (1930–2005)* [Slavness dissolved in blood... In honour of the eighteenth anniversary of Vladimir Konstantinovich Volkov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 117–123.
- Jędrychowska, B., 2004. Listy XIX-wiecznych zesłańców. *Wrocławskie studia wschodnie*, 8, pp. 65–87.
- Jędrychowska, B., 2011. Perepiska pol'skikh ssyl'nykh 19 veka kak istoricheskii istochnik (na primere korrespondentsii Feliksa Zenkovicha) [Correspondence of Polish exiles in the nineteenth century as a historical source (based on Feliks Zienkowicz's correspondence)]. In: Makarov, N. A. (Editor-in-Chief), Kashtanova, O. S., Marnei, L. P., Nosov, B. V., eds. *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy. Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she* [Cooperation of Russian and Polish historians: achievements, problems, prospects. Study and publication of historical sources in Russia and Poland]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 128–139.

- Kijas, A., 2006. Polonia charkowska na przelomie XIX i XX wieku. In: *Problemy slavianovedeniia* [Problems of Slavic Studies]. Briansk: Izd-vo Brianskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 8, pp. 232–260.
- Kolesnikova, M. E., 2007. Pol'skaia ssylka na Severnom Kavkaze v 19 veke (istoriograficheskii aspekt) [Polish exile in the Northern Caucasus in the nineteenth century (historiographic aspect)]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 39–45.
- Nechitailov, M. V., 2007. Poliaki na Kavkaze v 1814–1854 godakh: dokumenty [Poles in the Caucasus in 1814–1854: documents]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 268–283.
- Ostrovskii, L. K., 2016. Pol'skoe naselenie Novonikolaevska (1890-e gg. – fevral' 1917 g.) [Polish population of Novonikolaevsk (the 1890s – February 1917)]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 8, pp. 35–41.
- Trynkowski, Ia., 2011. Iulian Sabin'skii (1797–1869) i ego “Dnevnik” — unikal'nyi istochnik po istorii ssyl'nykh poliakov i ne tol'ko [Julian Sabin'ski (1797–1869) and his “Diary” — a unique source on the history of exiled Poles and more]. In: Makarov, N. A. (Editor-in-Chief), Kashtanova, O. S., Marnei, L. P., Nosov, B. V. *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy. Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she* [Cooperation of Russian and Polish historians: achievements, problems, prospects. Study and publication of historical sources in Russia and Poland]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 124–126.
- Tsifanova, I. V., 2007. Poliaki na Severnom Kavkaze v 19 stoletii. Problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii [Poles in the Northern Caucasus in the nineteenth century: Problems of sociocultural adaptation]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 66–86.

Svetlana M. Falkovich

On some aspects of Russian-Polish bilingualism in the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries

This article deals with the issues of Russian-Polish bilingualism in the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries. Within the framework of the empire, the area of settlement of Poles was not limited to the territory of the Kingdom of Poland. Their presence in various Russian regions is shown by the example of the activities of “Polonies” in the Kharkov province, the North Caucasus, and Siberia. The migration of the Poles occurred both voluntarily, as was the case in the Kharkov province, or was forced, as a result of the repressions of the tsarist authorities and the exile of members of the Polish national movement, as in the North Caucasus and Siberia. It was not unusual that after the expiration of the term of exile, Poles voluntarily remained in the place they had been exiled to. Their occupation depended largely on the nature of the region and their social status. In the Kharkov province, representatives of the Polish intelligentsia carried out professional and cultural-educational activities, served as provincial officials, and were engaged in the improvement of urban infrastructure. In Siberia, Polish exiles became teachers as well as taking part in scientific expeditions that conducted research in the fields of geography, hydrography, geology, flora and fauna, meteorology, and ethnography of the region. To obtain better opportunities and adapt to the surrounding reality, the Poles needed, to one degree or another, knowledge of the Russian language. They acquired the language in various ways in addition to self-education: they were in constant contact with the local population and some even married those of the Orthodox faith. The participation of Poles in the social and cultural life of the regions under consideration contributed to a certain rapprochement and greater assimilation of the culture of both peoples.

Keywords: Poles, Russian Empire, bilingualism, adaptation, Kharkov province, North Caucasus, Siberia